

Семантика фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в русском и испанском языках¹

Марина КУТЬЕВА

Universidad Rusa de Amistad de los Pueblos
marku2006@yandex.ru

Recibido: Diciembre de 2008

Aceptado: Enero de 2009

Резюме

В статье сопоставляются фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом в русском и испанском языках. В их семантике отражена самобытность мировидения народа.

Ключевые слова: орнитоним, эквивалент, коннотация, ментальность, метафора

Resumen

Semántica de los fraseologismos con el componente-ornitónimo en las lenguas rusa y española.

Este artículo trata de las Unidades Fraseológicas que contienen ornitónimo en su composición en las lenguas rusa y española. En su semántica se refleja la visión del mundo original de cada uno de los pueblos correspondientes.

Palabras clave: ornitónimo, equivalente, connotación, mentalidad, metáfora.

Abstract

Semantics of Phraseological Units with ornithonyms in Russian and Spanish languages.

This article deals with comparison of Phraseological Units with a name of birds in its composition in Russian and Spanish languages. The original mentality of each nation is reflected in their semantics.

Key words: ornithonym, equivalent, connotation, mentality, metaphor.

Данная статья посвящена анализу русских и испанских фразеологизмов, в которых главная роль принадлежит наименованиям птиц – орнитонимам. Птицы занимают особое место в мире природы и в жизни человека. Они издревле сопровождают людей повсюду: в труде, на охоте, в мечтах – когда взгляд устремляется к небу, из всех живых существ доступному только им. Пернатые – герои мифов всего человечества, герои сказок и песен, былин и легенд. Постепенно орнитонимы оказались пропитанными многоплановой символикой и стали воплощением национально-культурных особенностей мышления.

---

¹ Agradezco de todo corazón la generosidad, buena intención y benevolencia de mi colega Anna Denisova que me permitió utilizar ideas y trabajos suyos inéditos en la elaboración de este artículo.

Слово птица для большинства людей ассоциируется с полетом. Но это не единственная ассоциация. Их множество. В поведении птицы найдётся немало признаков, которые могут трактоваться по-разному: и положительно, и отрицательно, – в зависимости от ситуации и прагматической интенции говорящего. Птица клюет, нападает, вскармливает и защищает своих птенцов. Она то радостно поет, то тревожно кричит, то губит посевы, то спасает их, то рано просыпается, то не спит вовсе, то вьет гнезда, то пользуется чужим домом. Эти особенности ее поведения ложатся в основу метафорических переосмыслений.

Определенные признаки птицы и ее поведения оказываются отправной точкой её символизации. Возникают сентенции типа: птица глупа (мудра), птица отважна (труслива), птица радуется людям (спать не дает), птица заботится о своем потомстве (бросает его). Таков может быть и человек. Не исключен и иной ход ассоциативных цепочек. В жизни и деятельности человека есть масса предметов и явлений, которые своей быстротой, неожиданностью, звуком могут напомнить птицу. В русском языке с птицей сравниваются кони (вспомним гоголевскую птицу – тройку), в испанском – мыши (лексикографические источники регистрируют фразеологизм *pájaros sin alas* – букв.: птицы без крыльев, – переводимый на русский язык как *мыши*). В основе метафоризации лежит сема 'быстрота и бесшумность передвижения'. Образ птицы-мыши чрезвычайно специфичен, характерен только для испанского языка и представляет собой когнитивную трудность при его изучении. Для иноязычного коммуниканта, даже хорошо знакомого с языком, внутренняя форма этого оборота затемнена.

Приведенные примеры (птицы – кони и птицы – мыши) показывают, как на одном и том же признаке – быстрота передвижения – основаны разные ассоциации, как непредсказуемы пути переосмысления значений и выбор объекта, к которому будет применен данный признак.

Слово птица в обеих культурах в основном вызывает ассоциацию с певчей, утренней небольшой щебечущей птицей, а не с хищной, ночной или водоплавающей.

Во фразеологических единицах, понимаемых нами в самом широком смысле, обыгрываются такие качества птицы, как ее лёгкость, невесомость, свобода, вольность полёта, относительная безобидность, беззащитность, причинение минимального вреда человеку по сравнению с другими представителями фауны, скромные потребности в пище. Фразеологизмы, рисующие обобщенный образ птицы, объединены в таблице:

№ п/п	Испанский фразеологизм	Соответствие в русском языке
1.	<i>Beber menos que un pájaro</i>	Пить как птичка; быть трезвенником; капли в рот не брать
2.	<i>Cantar como un pájaro</i>	Петь как соловей, заливаться соловьём
3.	<i>Cantar como un pajarito: 'Hablar más de lo necesario'.</i>	Пищать как птенец – ложный эквивалент, т.к. значение испанского оборота – 'болтать лишнее'

4.	<i>Comer menos que un pájaro</i>	Есть очень мало; клевать как птичка
5.	<i>Estar como un pájaro en la jaula</i>	Томиться, как птица в клетке
6.	<i>Libre como un pájaro</i>	Вольный, свободный, как птица
7.	<i>Más inocente que un pájaro</i>	Наивный, чистый, как птица (голубь)
8.	<i>Más ligero que un pájaro</i>	Быстрый, проворный, как птица
9.	<i>Repetirlo como un pájaro</i>	Повторять, как птица (как попугай)
10.	<i>Tímido como un pájaro</i>	Робкий, боязливый, пугливый, как птица

Компонент птица (*pájaro* и *ave*) – чемпион по количеству образованных с ним фразеологизмов в рассматриваемых языках (более чем по 80 фразеологических единиц). Вот некоторые межъязыковые соответствия: *pájaro gordo* (букв.: толстая птица) – ‘важная птица’, ‘важная персона’, ‘большая шишка’; *pájaro raro* – ‘странный человек’, ‘редкая птица’; *ave de paso* – ‘залетная птица, залетный гость’ *cantó el pájaro* (букв.: запела птица) – ‘заговорил-таки, признался, раскололся’; *Es un pájaro malo de desplumar* – букв.: Эта птица не подходит для ощипывания – ‘Он человек осторожный, он не так-то прост, его на мякине не проведёшь, его голыми руками не возьмёшь’ (ЛЕВИНТОВА 1985: 470). Фразеологизм *pájaro de cuenta* развил энантиосемию: 1) ‘темная лошадка, подозрительный человек’; 2) ‘почтенная личность’. Здесь птица выступает в значении ‘индивид’.

В некоторых идиомах *pájaro* переводится на русский язык не родовой, а видовой лексемой: *соловей, голубь, попугай*: *Cantar como un pájaro* – *Заливаться соловьём*. Это представляется логичным, т.к. не всякая птица хорошо поёт, и не всякая чиста и доверчива (*inocente*), и в русском языке эти семы не входят в состав семантики слова птица. Однако оборот *pájaro nocturno* (‘полуночник’) переводится на русский язык орнитонимом *сова*, хотя ясно, что любая ночная птица не спит, а бодрствует в темное время суток. Такой выбор объясняется тем, что *сова* наименее негативно окрашена среди своих ближайших собратьев – *филина и сыча*.

Во фразеологизмах ‘*llenarle a uno la cabeza de pájaros*’+ ‘*meterle a uno pájaros en la cabeza*’ (букв.: ‘заполнить голову птицами’) – дурить голову кому-либо; *espantarle a uno los pájaros* – букв.: распугать кому-либо птиц – ‘рассеять чьи-либо иллюзии’; *volarse los pájaros* (букв.: улетели птицы) – ‘улетучиться, испариться (об иллюзиях, надеждах)’; *Andar con los pájaros en la cabeza* (букв. ходить с птицами в голове) – ‘чудить, быть с причудами, с придурью’, *tiene la cabeza a pájaros* – ‘у него мозги набекрень’ – мы встречаемся с когнитивной семой – ‘мысли, идеи’ (в данном случае – мысли дурные, ненужные, иллюзорные). Эта сема расширяет спектр значений слова *pájaro*. Этот оборот нередко встречается в испанской художественной литературе: «Uno no puede hacer caso de las mujeres: tienen la cabeza a pájaros y siempre están tratando de que haga lo

que ellas quieren» (SALINAS 1980: 112). «Не надо слушать женщин. У них дурь (птицы) в голове, они добиваются, чтобы ты делал то, чего они хотят»²

Tener pájaros en la cabeza – фразеологизм, в котором *pájaros* приобретает значение ‘странности’: “Me repiten a menudo que *tengo muchos pájaros en la cabeza*. Es más que posible pero, ¿saben? Esos pájaros me dan alas mientras que mucha gente se arrastra por un suelo ponzoñoso”³. В русском переводе этот яркий, образный оборот приходится заменять тусклым и бесцветным словосочетанием *я странный* или *я со странностями*. В нашем примере упразднение «птичьей» метафоры ведет к полному разрушению текста и провалу коммуникации, т.к. за смысловую доминанту идиомы – слово *птица* – цепляются следующие за ним предложения: «Мне часто повторяют, что у меня *птицы в голове* (я странный). Вполне возможно, но знаете что? Эти *птицы* дают мне крылья, а другие люди ползают по зловонной земле». Чтобы коммуникация всё-таки состоялась, приходится подбирать какой-нибудь фразеологический эквивалент в русской идиоматике, например, *ветер в голове*, что вынудит переводчика перефразировать всё высказывание: «Мне часто повторяют, что у меня *ветер в голове*. Вполне возможно, но знаете что? Этот *ветер* поднимает меня над землей, в то время как другие люди ползают по зловонной земле».

Лексема *pájaros* довольно часто выступает в значении ‘глупости’: “Comprendo que es más fácil *llenar de pájaros la cabeza de los espectadores* que hablar de los problemas que preocupa a la gente de este país. Ya lo hizo el Partido Popular cuando estuvo en el Gobierno, que fue el que nos llenó la televisión de porquería, y lo hace ahora el Partido Socialista” (LOPEZ 2004). *Llenar la cabeza de pájaros* приобретает значение ‘дурно, пагубно влиять’. Этот фразеологизм продуктивен, ему присуща вариативность значений: «... tú al principio no eras así, que han sido el don Nicolás ese y su cuadrilla los que *te han llenado la cabeza de pájaros*» (DELIBES 1979: 184). Оригинальность и самобытность рассматриваемой фразеологической единицы вновь обрекает переводчика на поиск, неизбежно влекущий за собой потери в образности: «Вначале ты не был таким, это дон Николас и его компания *задурили тебе голову* (букв. наполнили тебе голову птицами)».

Птица означает также несущественное, ничего не значащее явление, пустяк. При этом в русских эквивалентах лексема *птица* не фигурирует: *Vale menos que un pájaro (un gorrión)* – ‘невелика птица, пустое место, ноль без палочки’; *Lo mismo me importa a mí eso que si volara un pájaro* – (букв.: для меня это значит то же самое, что где-то пролетела птица) – Мне до этого нет никакого дела, мне-то что! (ЛЕВИНТОВА 1985: 470).

Помимо лексемы *птица*, в русском языке существует слово *птаха* (пташка). Оно ассоциируется с беззаботностью, веселостью и ранним пробуждением. «*Ранняя пташка*» – так говорят о человеке, встающем ни свет, ни заря: «Уж ей Филиппевна седая / Приносит на подносе чай. / “Пора, дитя мое, вставай! Да

² Здесь и далее перевод наш – М.К.

³ Пример взят нами из блога Интернета: <http://tractatus.1.ph/blogs/tractatus/2007/03/11/pajaros-en-la-cabeza/>

ты, красавица, готова! *О птишка ранняя моя!* Вечор уж как боялась я! Да, слава богу, ты здорова!» (ПУШКИН 1985: 193).

Фразеологизм *ранняя птишка* активен и в наши дни: «Должно быть, у меня от рождения нет гена «ранней пташки», – подумал я. Когда мой будильник начинал звонить, первой мыслью было остановить этот ужасный шум и продолжить спать» (БИРЮКОВ 2005: 3).

Богатая фантазия испаноязычных народов продолжает смело экспериментировать со словом *pájaro*, создавая новые паремии, причём не без чувства юмора: *Más vale pájaro en mano que enfermedad venérea*. Букв.: «Лучше птица в руке, чем венерическое заболевание», где птица в руке – намек на онанизм (птица приобретает значение ‘мужской половой орган’). Это значение восходит к фаллическим символам, воплощенным в орнитонимической лексике Древнего Рима.

В поговорке-шутке *Si un pájaro te dice que estás loco, debes estarlo, porque los pájaros no hablan* («Если какая-то птица говорит тебе, что ты сумасшедший, значит, так и есть, потому что птицы не говорят») идёт семантическая игра: птица – это и ‘человек’, и представитель фауны.

Итак, гипероним птица обнаруживает широкий спектр сем и является самым активным с точки зрения его задействованности во фразеологизмах рассматриваемых языков.

Сочетаясь с атрибутами, не свойственными им, орнитонимы служат в обоих языках для выражения идеи невозможного, нереального, фантастического, несуразного, глупого. Например: *ser un mirlo blanco* (букв.: быть белым черным дроздом) ≈ ‘быть белой вороной’; *cuando meen las gallinas* (букв.: когда куры будут мочиться) ≈ ‘когда рак на горе свистнет’; *creer que los pájaros tatan* (букв.: верить, что птицы питаются грудным молоком) – ‘быть легковерным’; *tiran los pájaros a las escopetas* (букв.: птицы стреляют по ружьям) ≈ ‘яйца курицы не учат’; *tener muelas de gallo* (букв. с петушиными зубами) – ‘беззубый (о человеке)’; *He xwataet только птичьего молока* (‘имеется абсолютно все’); *Говорят, что кур доят* (не всяким слухам можно верить) (ДЕНИСОВА 2007: 90); *с воробьиный нос* (а не клюв!) (МОЛОТКОВ (1967: 285); *воробью по колено* (‘неглубоко’) (ДАЛЬ 1991:108). Подобная атрибуция всегда коррелирует с категориальной ошибкой, логическим сбоем.

Фразеологическая оценка орнитонимов в двух лингвокультурах во многом сходна. Среди фразеологизмов – далеко не редкость частичные и полные эквиваленты, обозначенные в приведенной ниже таблице соответственно ЧЭ и ПЭ.

№ п/п	Русский язык	Испанский язык	Степень эквивалентности
1.	Белая ворона	Mirlo blanco (белый дрозд)	ЧЭ
2.	Видно птицу по полету	Al ruiseñor se le conoce por el canto; Al pájaro se le conoce por su vuelo	ЧЭ
3.	Как курица с яйцом	Como gallina con huevos	ПЭ

№ п/п	Русский язык	Испанский язык	Степень эквивалентности
4.	Возродиться как птица -феникс из пепла	Como el ave fénix	ЧЭ
5.	Ворковать как голубки	Arullar como tórtolas	ПЭ
6.	Гадкий утенок	Patito feo	ПЭ
7.	Петь соловьем	Cantar como un ruiseñor	ПЭ
8.	Выступает, будто пава	Anda como los pavos	ПЭ
9.	Невинный, как голубь	Más inocente que una paloma	ПЭ
10.	Голубь мира	La paloma de la paz	ПЭ
11.	Куриные мозги	Tener memoria de gallo	ЧЭ
12.	Улетела птичка	Voló la golondrina (ласточка)	ЧЭ
13.	Синяя птица	Pájaro azul	ПЭ
14.	Страусовая тактика	Táctica de avestruz	ПЭ
15.	Трещать как сорока	Hablar como una cotorra	ПЭ
16.	Слетаться, как воронье на падаль	Acudir como (las) lechuzas al aceite букв.: как совы на оливковое масло; como buitres a la carne muerta; букв.: (слетаются) как стервятники на мясо (падают)	ЧЭ
17.	Томиться, как птица в клетке	Estar como un pájaro en jaula	ПЭ
18.	Лебединая песня	Canto del cisne	ПЭ
19.	Лучше синица в руке, чем журавль в небе	Mejor perdiz en la mano, que dos en el campo (Лучше одна куропатка в руке, чем две в поле); Más vale un pájaro en mano que ciento volando (Лучше одна птица в руке, чем сто летящих).	ЧЭ
20.	Этого воробья на мякине не проведешь	Es un pájaro malo de desplumar – букв.: Эта птица не подходит для ощипывания	ЧЭ
21.	Орёл мух не ловит	El águila no caza moscas	ПЭ

Фразеологизмам с компонентом-орнитонимом свойственен ярко выраженный антропоцентризм.

Человека, отбившегося от своей среды и не прижившегося в другой, или не отличающегося сильной индивидуальностью, называют *ни павы, ни ворона*. Это сочетание восходит к басне И.А. Крылова «Ворона». В ней ворона, желая походить на красивую павлинишу, выщипала свои перья и вместо них утыкала себя павлиньими. Этот пример показывает, как значение из авторского становится общенациональным, если не интернациональным. Данная авторская находка родилась не на пустом месте. Басню «Ворона и птицы» написал Эзоп

в VI в. до нашей эры. Она известна и в испаноязычных странах. В ней рассказывается, как бог Юпитер, выбирая короля птиц, назначил день, когда все птицы должны были собраться и показать себя во всей красе. Готовясь к этому событию, птицы начали прихорашиваться, глядясь в реку. Ворона собрала оброненные перья и прикрепила их к шее наподобие воротника. Ее наряд понравился Юпитеру больше всех. Остальные птицы возмутились, увидев на вороне свои перья. В испанский язык вошел фразеологизм *vérsese el plumero* ('нужно посмотреть, что за перья'; 'посмотрим на оперенье'). Свое происхождение оборот ведёт, как уже указывалось из басни Эзопа (*fábula de Esopo*), которая в испанском варианте носит заглавие "La corneja y los pájaros": "Un día Dios decidió elegir al pájaro más bello. Una corneja, sabiéndose poco agraciada, comenzó a recoger las plumas de colores que encontraba caídas, para con ellas hacerse un copete. Una vez presentada al concurso la corneja tenía un aspecto estupendo y a punto estuvo de ganar, pero... *se le vio el plumero!*"

José María Iribarren в своем фундаментальном труде "El porqué de los dichos" объясняет происхождение этого выражения несколько иначе. Обращаясь примерно к той же эпохе, что и Иван Крылов, Ибаррен связывает его с "el penacho de plumas de mas de un palmo de altura que coronaba el morrión de los voluntarios de la Milicia Nacional española en 1820 y estaba referida a los que querían dárselas de liberales sin serlo. Don Práxedes Mateo Sagasta fue caracterizado así en una caricatura de un periódico de la época, tocado con el citado morrión y la siguiente leyenda : – ¡Don Práxedes! ¡*Qué se le ve el plumero!*" (IRIBARREN 1955: 327). Так говорят о человеке, который скрывает свои истинные намерения за лживыми словами.

Другое устойчивое сравнение с *вороной* в русском языке, появившееся также благодаря И.А.Крылову, не имеет аналога в испанском: *попасться как ворона в суп*. Так с иронией говорят о человеке, неожиданно оказавшемся в неприятном положении.

Выражение обязано своим появлением басне «Ворона и курица» (1812). Поводом для ее создания послужила заметка из журнала «Сын Отечества», где рассказывается о драматичном положении солдат наполеоновской армии, вначале военной компании успешно дошедших до Москвы, а затем обреченных на мучительное отступление и вынужденных варить и есть *ворон*, чтобы не умереть с голоду. Басня заканчивается строфой:

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.

За счастьем, кажется, ты по пятам несешься;

А как на деле с ним сочтешься

Попался, как ворона в суп! (КРЫЛОВ 1979: 87).

Вероятно, поговорка возникла под влиянием другой – *Попасться как кур во щи (в ощиц; во щип)* – в неожиданную беду, неприятность (МОЛОТКОВ 1967: 217). Эквивалентным ей в испанском языке можно было бы считать оборот *Como gallina en pepitoria ganaremos la gloria*.

Новые фразеологизированные выражения с орнитонимами возникают при замене одного или нескольких из их компонентов, как мы видели выше, а также при совмещении двух фразеологизмов: «*Цыплят по осени считают*, а

ворон – круглый год» (ДУБРОВИНА 2005: 103). Здесь совместились два оборота *цыплят по осени считают* (подводят итоги) и *ворон считать* (бездельничать).

В русском языковом сознании *курица* часто предстает предметом насмешек, так как она несамостоятельна, не летает, не вьет гнезда, боится воды, плохо видит в темноте, рано засыпает, ковыряет землю лапой без видимого результата и сильно зависит от человека. Среди русских фразеологизмов с компонентом-орнитонимом численно преобладают те, что имеют в своем составе лексему *курица/куры*.

Вот некоторые из них: *денег куры не клюют* (разг.) – ‘денег больше, чем надо’. О недостатках человека иносказательно говорят, прибегая к образу *курицы*. Выражение *мокрая курица* (разг.) адресовано человеку, имеющему жалкий, беспомощный, неряшливый вид, или о безвольному, бесхарактерному, безынициативному человеку. *Варёная курица* (ирон.) – скажут о вялом, медлительном, болезненного и усталого вида человеке; *слепая курица* (разг. укор.) – о близоруком, плохо видящем, подслеповатом человеке, *дохлая курица* – о нерадивом, медлительном, неэффективно работающем индивидууме. Оборот *куриная слепота* служит для обозначения слабости зрения, особенно в темное время суток. В целом *курица* – объект саркастических нападок во фразеологии: *курица ряба, да перешиблена нога*.

С точки зрения носителя русского языка, она способна смеяться. Отсюда выражение *курам на смех* – (*неодобр.*). Так говорят о чем-то бессмысленном, крайне абсурдном, смехотворном до нелепости (у испанцев смеется *гусь*). Курица еще и плохо пишет – *писать как курица лапой* – (*ирон.*) о неразборчивом почерке. Ее можно попробовать подоить: «Говорят, что *кур доят*». Курица способна нести золотые яйца, и тогда *резать курицу, несущую золотые яйца* означает ‘загубить прибыльное дело’. Со своими яйцами курица любит носиться. Ср.: *носится, как курица с яйцом* – чрезмерно о ком-то или о чем-то заботится.

Прибавим сюда еще и появившееся в советское время *Курица не птица, Орел не столица, Болгария не заграница*, ведущее свое начало от фразеологизма, указанного в словаре В.И. Даля: *курица не птица, прапор не офицер, баба не человек*. Возможны варианты: *Курица не птица, физичка не девица, речник не моряк, геолог не горняк, «Москвич» не машина, филолог не мужчина*. Лексема *курица* активно плодит новые фразеологизмы. Так, в газете «Московский комсомолец» за 31.12.2004, в статье Н. Арабкиной читаем: «Курица не птица, Петух не мужик. Подобные контаминации требуют обязательного знания адресатом тех исходных фразеологических единиц, на основе которых создаются окказиональные обороты. И исходные, и производные фразеологизмы специфичны в национально-культурном плане.

В авторской речи с орнитонимическими фразеологизмами порой происходят довольно сложные трансформации, создающие комический эффект. Так, герой И. Ильфа и Е. Петрова Остап Бендер в сцене «наказания» Кисы Воробьянинова Колей, ударившим отца русской демократии по щеке, подбадривает экзекутора: «Правильно, <...> а теперь по шее. Два раза. Так. Ничего не поделаешь. Иногда *яйцам приходится учить зарвавшуюся курицу...*» (ИЛЬФ 1983: 160). Каламбур восходит к обороту *яйца кур не учат* – т.е. ‘молодой,

неопытный не должен учить старшего, более опытного'. Экспрессивность возникает за счет структурных трансформаций – замены отрицательной формы на утвердительную и увеличения количества компонентов оборота. Эпитет *курицы* «зарвавшаяся» объясняет причину инцидента. Комизм усиливается тем, что *курицей* назван «гигант мысли» Воробьянинов (ДУБРОВИНА 2005: 114-115).

Как и в русском языке, в испанском *курица* сохраняет за собой ведущую позицию во фразеологизмах: *la gallina de arriba ensucia a la de abajo* – букв.: та курица, что наверху, пачкает ту, что внизу; *acostarse con las gallinas* – ‘ложиться спать с курами’ (о том, кто рано засыпает); *como la gallina con huevos* – ‘как курица с яйцами, как наседка над цыплятами’; *como gallina en corral* – букв.: «как курица в курятнике» – ‘как у себя дома, как рыба в воде’; *cacarear más que una gallina* – букв.: «кудахтать больше, чем курица» – ‘болтать, молоть языком, тараторить’; *cantar una gallina* – букв.: «запеть о курице» – ‘сделать вынужденное признание, расколоться’; *hacer la gallina* – букв.: «сделать курицу» – 1) ‘струсить’; 2) ‘сознаться’ (ЛЕВИНТОВА 1985: 285).

Из толкования устойчивых оборотов выводится коннотация лексемы *курица* и ее национально-культурная специфика. В русском языке это – глупая, чудаковатая, неосмотрительная женщина-мать, чрезмерно заботящаяся о детях, и болтливый, трусливый, малодушный – в испанском. Подтверждения этим толкованиям есть в авторских текстах.

В русской и испанской лингвокультурах можно наблюдать специфические оттенки концепта глупости. В метафорических вариациях на тему глупости у русских на первый план выступает деятельностный аспект. Тупой именно дятел, который долбит и долбит: *Глуп, как дятел; Долбит, как дятел* (ШВЕДОВА 2007: 223), т.е. много раз повторяет одно и то же. Подливают масла в огонь глупости, где горит наш *дятел*, и такие паремии: *Дятел и дуб продавливают; Не болит голова у дятла; У дятла от думы голова не заболит*. Глупа и курица, которая не по делу бегаёт, кудахчет, суетится, царапает лапой (*La tujeer y la gallina escarban para su mal*). Ср.: *Ума как у курицы; Умница – как попова курица; Учись у курочки: разгребай да подбирай*. Испанцы включают в концепт глупости наивность, несправимость, кичливость, напыщенность, зазнайство, делая средоточием этих значений надутый, статичный образ индюка, важным качеством которого, судя по испанской фразеологии, предстает медлительность. И если для русских глупость – это бестолковая динамика, то для испанцев – бестолковая статика. Смешна и неосознанность собственного невежества: *Alábate, pavo, que mañana te pelan!*

Фразеологическую парадигму с орнитонимом *pavo* можно дополнить следующими оборотами: *Ser el pavo de la boda* (букв. Быть индюком (блюдом) на свадьбе, т.е. *Быть козлом отпущения*); *Ser uno más pesado que un pavo* (букв. «Быть тяжелее индюка», т.е. ‘Быть несносным, нудным’); *Échale guindas al pavo* (букв.: Бросай вишню индюку!, т.е. ‘Не мечи бисер перед свиньями’).

Испанский индюк оказался паремиологически гораздо «богаче» своего русского собрата. Это объясняется чрезвычайной распространенностью индюка в Испании и Латинской Америке, привычностью его присутствия в сельском обиходе. Русский орнитоним индюк своим названием указывает на иностран-

ное происхождение – индейский петух. Индюк – относительно новая и экзотическая для русского национального сознания птица. По данным Википедии, в 1519 году индюков завезли в Испанию. Поэтому в России, куда они попали благодаря Испании, их поначалу называли *испанские куры*. В испанском языке распространены фразеологизмы с этим орнитонимом *subirsele a uno el pavo* – ‘покраснеть, зардеться’; *pelar la pava* (букв.: ошипывать индюшку) – ‘любезничать с дамой сердца, стоя под ее окном (балконом)’. Латиноамериканские варианты орнитонима *индюк* – *guajolote* (Мексика) и *guanajo* (Южная Америка) – сохраняют общеиспанское переносное значение *pavo* – дурак, болван. Слово *pava* в значении ‘дура’ узуально в современном дискурсе в большинстве испаноязычных стран в основном в составе фразеологизма *ser un (tan) pavo (pava)*: “... Las nuevas generaciones van despabilando, Mario, convéncete, *no son tan pavas como nosotras*, ellas van derechas a lo práctico y saben que junto a un licenciado, a más de pasar hambre, van a aburrirse como hongos (DELIBES 1979: 200).

Анализируя фразеологизмы, героем которых выступает *индюк*, можно сделать вывод, что с точки зрения носителя испанского языка определяющими, релевантными для его облика признаками выступают следующие: он жадно ест (*Atracarse (cebarse) a lo pavo*, глотает целиком (*Tragárselo entero como los pavos*), у него висят слюни (*No es moco de pavo*). Его откармливают (*Atracarse (cebarse) a lo pavo*; *Cebarle a uno como a los pavos*) – он жирный, поэтому бывает праздничной едой. Он краснеет (*Ponerse más colorado que un pavo*), поэтому сопоставим с легко заливающимся краской отроком, у него неприятный голос, он медлительный, вялый, а значит глупый, он несносный, докучливый, нудный (*Ser uno más pesado que un pavo*). Безразличие к еде Марио из романа Мигеля Делибеса «Пять часов с Марио» сравнивается с индюшачьей манерой поглощать пищу: “Para ti el caso es engullir, *como los pavos*, que nunca miraste lo que comías, calamidad...” (DELIBES 1979: 211).

Испанцы не разделяют безграничную любовь русских к соколу. В русских паремиях образ сокола чрезвычайно привлекателен: *Был бы сокол, а вороны налетят*; *Как ни бодрись ворона, а ей до сокола далеко*; *Не кидается девица на цветное платье, кидается девица на ясного сокола*; *Не пугай сокола вороной*.

В русском языке на базе слова *утка* существуют лишь выражения *пускать утку* (распространять слухи), *плавать, как утка*, т.е. ‘плавать хорошо’; *ходить уточкой*, т.е. ‘переваливаться с ноги на ногу’, и ироническое высказывание *умный, как утка*, ‘глупый’ (ЕВГЕНЬЕВА 1999: IV-535). Значение *утка-слухи* пришло из немецкой прессы, где непроверенную информацию помечали аббревиатурой NT, а *ente* – по-немецки значит ‘утка’.

В испанском языке утка часто фигурирует как название кулинарного блюда: “A Mario tanto le da un cocido como *un pato a la naranja*” (DELIBES 1979: 211). К испанскому *pato* глагол *patochar* (нести чепуху) и существительное *patochada* – ‘глупость, нелепость, несуразица’: “Ya sé que me pongo pesada pero no me cansaré de repetirte, borrico, que hay que poner ardor en las cosas que de verdad merecen la pena en lugar de gastar el tiempo escribiendo *patochadas* que ni te dan dinero, ni le interesan a nadie (DELIBES 1979: 115).

На Кубе *pato, ganso, pájaro* используются для номинирования пассивного гомосексуалиста или мужчины без явно выраженной маскулинности. В Испании широко узואльнь обороты *Ser un palomo cojo, Ser más maricón que un palomo cojo* – *Быть хромым голубем = быть гомосексуалистом (голубым)*.

Почему для выражения подобных значений используются именно орнитонимы? Вероятно, потому что половые признаки у птиц внешне не выражены. Птица воспринимается как бесполое существо. К тому же, пернатые самцы (селезень, павлин) выглядят порой выигрышнее, эффектнее и привлекательнее самок.

Эталонем черного цвета в испаноязычной лингвокультуре стали одновременно несколько птиц – *грач, дрозд, галка* и *стервятник*: *Más negro que un grajo (mirlo, buitre, azabache) ≈* ‘черный, как смоль, как вороново крыло, чернее сажи’. В русском языке *грач*, несмотря на его бесспорную черноту, основанием для цветовых сравнений не служит и выступает, в отличие от своего испанского собрата, носителем положительных коннотаций, принося на крыльях своих весну.

Переносные значения орнитонимов по фразеологизмах – это в основном характеристики человека, представленные в таблице:

№ п/п	Характеристика человека	Русский язык	Испанский язык
1.	Боец	Сокол	Петух (gallo)
2.	Болтун, пустомеля	Сорока	Грач, попугай, сорока
3.	Верный	Лебедь	Лебедь (cisne)
4.	Вероломный, подлый	Стервятник	Сокол (halcón)
5.	Вор	Сорока, Галка, Коршун	Ястреб (azor)
6.	Вялый, сонный	Филин, сова	Индюк (pavo)
7.	Глупый	Гусь, Дятел	Певчий дрозд (tordo), индюк (pavo), пересмешник (sinsonte), страус (avestruz), гусь (ganso), чибис (chorlito)
8.	Доносчик, стукач	Дятел	Попугай (perico), цыпленок (pollo)
9.	Жестокий, алчный	Ворон, коршун, стервятник	Ворон (cuervo), стервятник (gallinazo)
10.	Заводила, верховод	Орел	Петух (gallo)
11.	Красивый	Лебедь	Лебедь (cisne)
12.	Кокетливая	Пава	Канарейка, дрозд (mirlo)
13.	Кроткий, Добродушный	Голубь	Голубь (paloma)
14.	Лентяй	Индюк	Гусь (ganso)
15.	Лицемер (якобы тихоня, смиренник)		Пеночка (mosquita muerta)
16.	Мямля, рохля	Ворона	Индюк (pavo)
17.	Невежа, хам	Гусь	Пустельга (cernícalo)

№ п/п	Характеристика человека	Русский язык	Испанский язык
18.	Некрасивая, уродливая женщина	Курица, клуша	Попугай (loro), сова (lechuza), индюшка (pava)
19.	Непоседливый, суетливый	Сорока	Черный дрозд (mirlo)
20.	Нудный, надоедливый	Дятел	Индюк (pavo)
21.	Красноречивый человек (оратор)	Соловей	Соловей (ruiseñor)
22.	Отшельник, нелюдим	Сыч	Филин (buhó)
23.	Певец (обладатель красивого голоса)	Соловей	Соловей (ruiseñor)
24.	Проститутка	Пигалица	Журавль (grulla), лебедь, (cisne), сова (lechuza), курица (gallina)
25.	Пьяница	Чижик	Попугай (perico), пустельга (cernícalo)
26.	Растяпа, разиня	Ворона	Индюк (pavo)
27.	Рогоносец		Кукушка (cuclillo)
28.	Смелый	Сокол, орел	Петух (gallo)
29.	Скопидом, стяжатель		Сорока (urraca)
30.	Соня	Сова	Ночная птица (ave nocturna)
31.	Спесивый, чванливый	Индюк	Индюк (pavo)
32.	Сплетник	Галка	Щурка (abejarruco)
33.	Трус	Воробей	Курица (gallina)
34.	Удалой, смелый	Сокол	Орел (águila)
35.	Умный, прозорливый	Орел	Орел (águila)
36.	Ухажер, воздыхатель	Голубок, голубь	Palomo, gavilán, picaflor, (colibrí)
37.	Хитрый	Гусь	Черный дрозд, кукушка, птица, воробей (pardal)
38.	Хищник (алчный, беспринципный)	Коршун, ворон	Гриф (buitre)
39.	Шулер, аферист		Кукушка, сова (lechuzo)
40.	Щеголь	Павлин, петух	Gallo (петух)

Фразеология отражает народные ценности. Так, поговорка *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* передает мысль о большей важности малого, но реального, по сравнению с крупным, но недоступным. Ей соответствуют испанские *Más vale perdiz en mano que dos en el campo* – ‘Лучше одна куропатка в руке, чем две в поле’ и *Más vale pájaro en mano que ciento volando* – ‘Лучше одна птица в руке, чем сто в полете’. Эти поговорки условно можно считать

эквивалентными. Однако между ними есть концептуальное различие. В русском языке задействованы ничего общего друг с другом не имеющие птицы – журавль как символ высокого, недостижимого, и синица как символ обыденности. В испанском языке использована куропатка, ассоциирующаяся непосредственно с едой, воспринимаемая как объект охоты и как блюдо. Во втором испанском соответствии фигурирует гипероним птица, в качестве основания сравнения выступает количество птиц: 1 и 100.

Фразеологизмы с орнитонимами позволяют судить о национальных чертах народа, их создавшего. В русской лингвокультуре существует обостренное чувство родины и необходимости ее защищать (*У своего гнезда и ворона орла бьет*) при некоторой агрессивности: *Не робей, воробей, дерись с вороной!* и *Бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя!* История России с бесконечными войнами и участием в них женщин даёт почву для образования паремий типа: *На своем пепелище и курица бьет, а петух никому спуска не дает!* В орнитонимических идиомах прослеживается вера в случайность фортуны, намеки на непостижимость ее генеза, на то, что деньги зарабатываются не трудом, а какими-то не связанными с усилиями человека способами: *Денежки – что голубки, где обживутся, там и поведутся*. Поговорки и пословицы призывают придерживаться своей социальной ниши: *Гусь свинье не товарищ, Как ни бодрись ворона, ей до сокола далеко, Орлиному взгляду воронья слепота не указ*. Судя по паремиям, переходный, неопределенный социальный статус неприемлем: *Ни пава, ни ворона*. Не остались без внимания и традиционные застолья со спиртными напитками и пристрастие к алкоголю: *Первая колом, вторая соколом, остальные – мелкими пташечками; Курица, и та пьет*. Закреплена во фразеологии и убежденность в неизбежности генетически унаследованных черт: *На кукушкиных яйцах не высидишь цыплят*, и неверие в предсказуемость результата деятельности (осознание того, что судьба распорядится по-своему, не так, как планировалось): *Стрелял в воробья, а попал в журавля*. Есть паремические указания на тяжелую жизнь в бедности: *В нужде и кулик соловьем запоем*, на ироническое отношение к предсказаниям: *Много лет (жить) кукушка бабе накуковала, да и обманула*.

Ряду фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в испанском языке присуща натуралистичность, шокирующая носителей иных языков. Вот некоторые примеры: *como culo de pollo* (как задний проход цыпленка) – ‘кое-как затянутая прореха’; *como mean gallinas* (как будто куры мочатся) – о едва выпадающем дожде; *cuando teen gallinas* – когда будут мочиться куры (в смысле ‘никогда’); *comen frijoles y eructan pollo* – едят фасоль, а рыгают цыпленком (о лицемерных, лживых служителях культа – намек на несоблюдение ими поста); *creer que los pájaros maman* – считать (верить), что птицы сосут (грудное молоко) – ‘быть наивным и доверчивым’; *La gallina, la mujer y el marrano, con la mano* – Курицу, женщину и свинью берут руками; *La mujer pare llorando, y la gallina cantando* – Женщина рожает с плачем, а курица с песней; *Más caga un buey que cien golondrinas* – Больше нагадит бык, чем сто ласточек, ‘лучше сразу и много, чем помалу сто раз’; *El pájaro no se caga en su nido* – Птица в своем гнезде не гадит; *Donde tengas la olla, no metas la polla* – Туда,

где у тебя котелок (источник существования), не суй цыпленка ('половые органы') – т.е. 'Не смешивай работу с сексом'; *El tipo de tordo – la cara fina y el culo gordo* – такой тип дрозда – лицо тонкое, а попа толстая – ироничная характеристика непропорционального (неадекватного) человека; *cambiar el agua al canario (jilguero)* – букв. сменить воду канарейке (щеглу) – 'сходить в туалет' (говорят только мужчины). Для многих испанских оборотов характерно чувство юмора: *Le dijo el grajo al cuervo: quítate de allá, que tizas!* (Сказал грач ворону: уйди-ка оттуда, а то ещё меня запачкаешь!); *Hidalgo como el gavilán* (Благороден, как ястреб, т.е. вовсе не благороден, а вероломен и подл); *muelas de gallo* (зубы петуха) – редкие, большие зубы (или отсутствие зубов); *Tener memoria de gallo* (букв. иметь память петуха). На орнитониме *петух* хотелось бы остановиться поподробнее. Почему память барахлит именно у петуха, а не у других, еще менее интеллектуально одаренных птиц? Похоже, дело в привычке петуха петь еще до рассвета по несколько раз. Создается впечатление, что петух забывает, пел он уже или еще нет, а значит, память его никуда не годится. Русский эквивалент этому фразеологизму – *куриные мозги*.

В старину время отмерял голос петуха: первое «кукареку» раздается около полуночи, следующие – каждые два часа. Лишь после первых петухов отправлялись в дорогу, а после вторых женщины ставили тесто и доили коров. Вместе с третью вся деревня приступала к работе. Петухов предпочитали драчливых. Проводились и состязания пернатых певцов: пока петухи тянули соло, судьи отмеряли на столе пальцами четверти. Лучшими считались те, что тянули по 23-25 четвертей. Известны фразеологизмы, где петух знаменует и слишком раннее пробуждение (*вставать с петухами*), и слишком поздний отход ко сну: «Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до *самых поздних петухов*» (ГОГОЛЬ 1979: 25). В испанской лингвокультуре петушиное пение ассоциируется с удачей, что фиксируется в обороте *Otro gallo me (te, nos) cantará (cantara, cantaría)* (букв. *Другой петух мне пропоёт*), т.е. *Будет и на моей улице праздник*. Этот оборот несколько раз встречается в романе М. Делибеса «Пять часов с Марио»: «Si de algo me arrepiento es de haber estado veintitrés años pendiente de ti, como una mártir, que si yo hubiese sido más dura, *otro gallo nos cantara*» (DELIBES 1979: 59). «Если я в чём-то и раскаиваюсь, так это в том, что слушалась тебя двадцать три года, как мученица; если бы я была жестче, все было бы иначе; буквально: Другой петух бы нам пропел».

В испанской лингвокультуре восхищаются отвагой петуха, а в русской его смелость вызывает иронию: *Храбр петух, да его индюшка берет!*

Пение петухов в русском языке символизирует деревню в противоположность городу. В Латинской Америке дело обстоит несколько иначе: считается, что если где-то раздаются петушиные голоса, значит, там есть люди, а об уединенном, глухом месте говорят, что «там даже петухи не поют» (МОЙСЕЕНКО 2007: 187).

Орнитоним *gallo/петух* несет ярко выраженные стилистическую и оценочную функции. И в русских, и в испанских паремиях наблюдается отчетливое противопоставление *петух-курица*, за которым стоит рекомендация социального характера: не путать мужскую и женскую роль в обществе и в семье: *Не*

петь курице петухом, не владеть (не быть) бабе мужиком. С еще большей настоятельностью этот тезис прослеживается в испанской лингвокультуре: *Desgraciado el gallinero donde la gallina canta y el gallo cacaraquea; Donde hay gallo, no canta gallina; En casa de Gonzalo, manda más la gallina que el gallo*. Однако не все так однозначно: *Hay veces que vale más ser gallina que gallo*. В последнем примере имеется в виду принципиальность, отвага петуха и уступчивость, осторожность, робость курицы, имплицитруемые им на когнитивном уровне. Пословица советует проявлять в отдельных случаях осторожность, свойственную женщине, а не задиристость, имманентную мужчине.

Семантика орнитонимов, относящихся к женщине, отличается ярко выраженной эмпатией мужского взгляда на объект номинации. Носитель испанского языка не упустит шанса подтрунить над женщиной: *Ser más puta que la gallina; La mujer y la gaviota, gente loca; La mujer y la gallina, hasta la casa de la vecina, y por andar se pierden aina, La mujer y la gallina escarban para su mal*. Когда мужчина пытается оказаться в центре внимания женщины и заигрывает с ней, то его поведение описывают с помощью выражений *emborrachar la perdiz, marear la perdiz*, где модель обольщения женщины уподобляется алгоритму охоты: мужчина – охотник, морочащий голову ничего не подозревающей несчастной куропатке.

В испанских фразеологизмах с компонентом-орнитонимом интенсивнее, чем в русском, отражена мужская мечта о покладистой жене: *Gallina ponedora y mujer silenciosa, valen cualquier cosa* – букв.: Курица-несушка и жена-молчуня – дорого стоят; *Gallina que al gallo espanta, córtale la garganta* – букв.: ‘Курице, которая пугает петуха, перережь глотку’ и *Gallina que como gallo canta, apriétale la garganta* – Курице, которая поет петухом, зажми глотку. Приведенные примеры иллюстрируют понятие, транспонируемое в силу своей аутентичности на русский язык с испанского без изменений – *machismo*, то есть маскулинность (ФИРСОВА 2006: 80), культ преимущества мужчины перед женщиной, присущий испаноязычной лингвокультуре. Эмоционально-оценочная интерпретация женского образа, метафоризированного орнитонимом, опирается на мужскую перцепцию. Практически вся вторичная орнитонимическая номинация, рисующая образ женщины, сформировалась в ракурсе направленного на нее мужского взгляда. Концепт *женщина* рассматривается относительно мужчины, и его значение семантически не выявляется без опоры на мужскую точку отсчета. Если бы Митрофанушка у Фонвизина был испанцем, то он причислил бы к именам прилагательным заодно с дверью и женщиной, поскольку она к мужчине прилагается. Иными словами, в зеркале фразеологии с компонентом-орнитонимом мужчина самодостаточен, женщина – нет: *como perdiz sin macho*.

Такие эмотивно-окрашенные номинации оказываются наделенными очень любопытной и важной прагматической функцией: благодаря широкому спектру содержащейся в них оценочности, они способны не только оригинально описывать действительность, но и заметно регламентировать поведение людей, не оставляя сомнений в том, что такое хорошо и что такое плохо.

Интерпретирующие эмоционально-оценочные обороты не только отображают определенный концептуальный фрагмент, но отчасти программируют и регулируют социально-ролевое поведение членов данной лингвокультурной общности. Метафорическая, эмоционально-насыщенная стилистически маркированная лексика – мощный рычаг управления поведением человека, который не желает, чтобы столь обидный или унижающий речевой заряд был направлен против него лично. В связи с этим уместно говорить не только о влиянии культуры на отношение к языку, но и о существовании обратной связи, о том, что язык может выполнять функции регулятора культурной жизни личности и общества.

В случае обозначения женщины и связанной с этим проблемой женского самоопределения и идентификации женской личности роль языка в его воздействии на культуру оказалась огромной. Об этом свидетельствует борьба с речевыми штампами со стороны феминистских организаций, вызванная к жизни именно социально-программирующей функцией языка, а конкретнее – языковыми метафорами, направленными на женщину.

Феминистки проявляют большой интерес к языковым проблемам, обращая внимание на одни и те же – в разных культурах – патриархальные парадигмы женщины как объекта потребления и эксплуатации в семье и обществе, женщины как человека второго сорта, существа, не озаренного светом духовности.

Итак, соединение факторов внутриязыкового и внеязыкового характера приводит к формированию оригинального семантического наполнения слов, отражающего своеобразие национального освоения действительности. Орнитонимические метафоры органично вплетаются в концептуальную систему мировидения этноса. В них живет дух народа.

Принадлежа внешнему миру, орнитонимы становятся в речи инструментами познания внутреннего мира человека, выступая, таким образом, в гносеологической функции. Проникновение в природу символической и метафорической семантики русских и испанских орнитонимов в ткани фразеологизмов дает ключ к познанию лингвокультурологической специфики национальной картины мира.

Referencias bibliográficas

- БИРЮКОВ, С. (2005): “Как стать ранней пташкой”, 01.11.2005, *Газета «Труд»*.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (1979): *Мертвые души*, Правда, Москва.
- ДАЛЬ, В. И. (1991): *Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах*, Русский язык, Москва.
- ДЕНИСОВА А. П. (2004): “Концепт «птица» в испаноязычной лингвокультуре” *Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Тезисы конференции*, МГУ им. М. В. Ломоносова / Факультет иностранных языков, Москва, 2004, с. 16 - 18.
- ДЕНИСОВА А. П. (2007) Опыт сопоставления понятийной структуры (на примере концепта «птица» в испанском и русском языках) *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*, 1 (5), с. 87 - 95.

- ДУБРОВИНА, К. Н. (2005): “Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике”, *Вестник РУДН, Серия Лингвистика*, 7, с. 100 – 118.
- ЕВГЕНЬЕВА, А. П. (1999): *Словарь русского языка в 4 томах*, Русский язык, Полиграфресурсы, Москва.
- ИЛЬФ, И., ПЕТРОВ, Е. (1983): *12 стульев. Золотой теленок*, Мысль, Москва.
- КРЫЛОВ, И. А. (1979): *Избранные произведения*, Советская Россия, Москва.
- ЛЕВИНТОВА, Э. И.; ВОЛЬФ Е. М. (1985): *Испанско-русский фразеологический словарь*, Русский язык, Москва.
- МОИСЕЕНКО, Л. В. (2007): “Параметры концепта как основание систематизации лингвокультурологических знаний”, *Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник*, Вып. 26, Рема, Москва, с. 185-194.
- МОЛОТКОВ, А. И. (1967): *Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова*: Советская энциклопедия, Москва.
- ПУШКИН, А. С. (1985): *Сочинения*, Художественная литература, Москва.
- ФИРСОВА, Н. М. (2006): “Отражение маскулинности в вербальных и невербальных средствах коммуникации испаноязычных народов”, *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*, 8, с. 76 – 86.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (2007): *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, Изд. Центр «Азбуковник», Москва.
- DELIBES, M. (1979): *Cinco horas con Mario*, Editorial Progreso, Moscú.
- IRIBARREN, J. M. (1955) *El porqué de los dichos. Sentido, origen y anécdota de los dichos, modismos y frases proverbiales de España con otras muchas curiosidades*, Suma de letras, S.L., Navarra.
- LÓPEZ, J. M. (2004): “Con la telebasura, Moratinos parece un gran diplomático”. 24-11-2004. Cartas al director. *Hispanidad. Periódico electrónico*. <http://www.hispanidad.tv/noticia.aspx?ID=4537>
- SALINAS, A. L. (1980): *La mina*, Ediciones Destino, Barcelona.